

Лобанова Валерия Глебовна

студентка

Институт искусств и художественного образования

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный

университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

г. Владимир, Владимирская область

Маныч Лариса Михайловна

канд. искусствоведения, доцент

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный

университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

г. Владимир, Владимирская область

П.П. ЧИСТЯКОВ И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Аннотация: Павел Петрович Чистяков (1832–1919) – русский художник, мастер исторического и портретного жанров, но прежде всего выдающийся педагог, многолетняя работа которого в значительной мере повлияла на реалистическую школу живописи в России конца XIX – начала XX веков. Кроме того, практика отечественного художественного образования XX – начала XXI веков показала, что методика этого выдающегося педагога не утратила своей ценности и весьма актуальна. В данной статье исследуются истоки и путь становления педагогической системы П.П. Чистякова.

Ключевые слова: искусство, рисунок, живопись, педагогическая система, Павел Петрович Чистяков, русский реализм, реалистичное искусство, Василий Дмитриевич Поленов, Илья Ефимович Репин, Виктор Михайлович Васнецов, Михаил Александрович Врубель.

Искусство есть проявление человеческого духа.

П.П. Чистяков

Вопрос что же считать искусством в последнее время не находит однозначного ответа в обществе. Разные виды так называемого «современного искусства» ещё больше размывают границы художника и зрителя, делая само понятие

«искусство» абстрактным. Отсюда вновь возникает вопрос о необходимости обучения и реального метода в рисунке. Потому таким важным представляется вспомнить о педагогической системе П.П. Чистякова, разработанной больше века назад, но до сих пор приносящей по-настоящему ценные плоды. Сам Чистяков по этому поводу написал в черновике письма графу И.И. Толстому: «Высокое серьёзное искусство живописи без науки не может существовать. Наука в высшем проявлении её переходит в искусство (медицина, химия и пр.). Для высокой техники главные и самые необходимые в живописи суть: анатомия и перспектива.»

Среди учеников Павла Петровича были такие разные художники как В.Д. Поленов, И.Е. Репин, В.А. Серов, В.И. Суриков, М.А. Врубель, И.С. Остроухов, братья Васнецовы. Многие из них приходили рисовать к П.П. Чистякову, уже пройдя обучение в Академии художеств, будучи состоявшимися художниками. Он умел передавать своим ученикам «объективные основы художественной практики и мастерства изображения, сохраняя индивидуальность каждого» [4, с. 357].

Исследуя истоки и процесс становления педагогической системы Павла Петровича, убеждаешься, что вся биография и творческий путь будущего выдающегося педагога способствовали становлению его личности и взглядов на воспитание художника. Родился П. П. Чистяков в семье крепостных крестьян, в селе Пруды бывшей Тверской губернии, 23 июня 1872 года. Семья его пользовалась расположением генерал-майора А.П. Тютчева и ещё при рождении все дети получили вольную. Чистяков унаследовал от матери певучую, окающую тверскую речь, любовь к метафорической меткости, ритму народных пословиц [6, с. 30]. Илья Ефимович Репин в своих воспоминаниях о Чистякове напишет: «Его своеобразная манера, особый тверской жаргон, отсутствие совсем иностранных слов до того радовали нас, что мы весь урок хохотали, как помешанные, от восторга, [слушая] эти невероятные истины и термины. Особенно его характеристика великих мастеров, талантливых – ещё животрепещущих итальянцев. И главное – тверской язык... Тут и мёртвый рассмеётся» [1, с. 476] Не раз его манеру говорить

будут вспоминать современники, кто с насмешкой, кто с уважением. Его замечания короткие, простые, но всегда точные станут афоризмами, которые до сих пор передаются из уст в уста среди художников и педагогов.

Отец Чистякова, выучился самостоятельно грамоте, много читал и старался детям привить такую же тягу к знаниям. Ещё в детстве стал проявляться своеобразный, исследовательский характер Чистякова. Он рано начал рисовать, но рисование его было не просто копированием действительности, ему хотелось понять, как надо рисовать, по каким законам устроено рисование. Так, интересуясь перспективой, он изобрёл свой наглядный чертёж, протягивая верёвки от забора к вбитым во дворе столбикам. И такое желание знать, понимать, касалось не только построения изображения, но и всех явлений жизни. Его брат вспоминает, как много всего интересовало Павла Петровича: музыка, пение, литература, религия, философия, наука, даже спорт. Увлечения его не были поверхностными, они проходили через всю его жизнь, составляя часть его самого, «заинтересовавшись чем-нибудь, он непременно углублялся в самую суть вопроса, старался изучить его, открыть законы, заинтересовавшего его явления, а если это ему удавалось, – тот час же стремился научить других тому, что сам изучил.» [1, с. 494]. «Учись ради науки, люби науку и занимайся, изучай ей ради собственного удовольствия преодолевать трудности и познавать законы природы» – напишет Чистяков брату [1, с. 34].

Таким образом, потребность делиться своими знаниями составляла суть его личности, он учил любя и одним из важных принципов считал работу с желанием, удовольствием, «любя ничего не скучно делать».

Обучая других, Павел Петрович учился сам. Так, в юности, уча детей дворянина Смирнова рисовать с натуры петуха, Чистяков открыл свой принцип рисования с земли, с ног [6, с. 30].

В 1840 П.П. Чистяков поступает в приходское, а затем в уездное училище в Бежецке. Там он получает первые навыки рисования под руководством И.А. Пылаева. Закончив с отличием уездное училище, Чистяков получил предложение продолжить обучение за казенный счёт в Тверской гимназии, от которого

отказался, его мечта была – Академия художеств. Проработав два года у землемера, Чистяков не смог скопить достаточно для поездки в Петербург и занял у отца «семнадцать с полтиной».

В 1849 году Чистяков стал учеником Академии. В Академии Чистяков числился учеником И.В. Басина, но впоследствии о нём не упоминал. Себя называл «ничейным учеником». Занятия в Академии казались Чистякову оторванными от живой жизни (вместо изучения природы – копировались классические образцы, вместо действительности, близкой народу, – мифологические сюжеты). В 1850 году в своём письме семье он напишет: «Мне всё кажется понятно, хотя и трудно, я как будто бы всё могу сделать; заимствую прямо от природы и потому мои собственные, ни от кого не заимствованные суждения товарищи называют натуральными» [1, с. 17]. Его учебные рисунки сильно отличаются от работ товарищей. Натурщики живые, чувствуется характер, а главное – от античных статуй взята подчёркнутая функциональность, взаимосвязь всех частей тела, красота тела, как целого, слаженного организма. И всё это Чистяков старается последовательно осознать, из таких работ-раздумий складываются его собственные методы, которыми он делится с братом: «Рисуя с природы, замечай, больше смотри – понимай, меньше делай, [человек который] смотрит, изучает предмет... да и в голове кой-что имеется – потому что подумал, а не просто посмотрел» [1, с. 21]. А в последствии и со всеми своими учениками, учит рисовать их так, чтобы изображая форму, чувствовались и невидимые глазу её части.

Будучи другом семьи Поленовых, в письме Д.В. Поленову передаст несколько советов и для Василия: «Не начертивши движения и общих пропорций, не начинать вырисовывать; не нарисовавши не начинать писать и, не составивши приблизительного колера, не писать, а написавши, чаще вставлять и сравнивать с оригиналом. Замечаньями пользоваться, конечно, поверяя их с натурою, – вот и всё! Да ещё, главное! Не подумавши, ничего не начинать, а начавши, не торопиться!» [1, с. 23]. Ещё студентом Академии, Чистяков преподавал детям Поленовых несколько уроков, пока те не уехали в Петрозаводск. Чистякову удалось привить В.Д. Поленову самое главное – профессиональный подход к творчеству,

осознание того, что настоящее искусство возникает лишь в результате долгого и упорного труда [2, с. 4]. Чистяков на протяжении всей жизни вёл переписку с Поленовым, следил за его работами, давал советы по исполнению и сюжету картин. Уже, получив золотую медаль в Академии, Поленов решил поработать отдельно над рисунком и вместе с другом попросился на занятия к Павлу Петровичу, на что он охотно согласился. «Мы рисовали с гипса глаз и ухо, добиваясь точности рисунка и силы светотени, и увлекались тонкими указаниями учителя. Рисунки эти до сих пор хранятся у меня и я всегда показываю их ученикам, как пример того, как надо рисовать» [1, с. 178].

Вернувшись из Италии, художник А.А. Иванов отправился в Академию художеств. Среди ученических работ его особенно заинтересовали работы П. Чистякова. А.А. Иванов попросил их познакомить. Знакомство двух художников переросло в дружбу. Отследить как именно эта дружба повлияла на формирование взглядов Чистякова трудно, но однозначно беседы и время, проведённое в мастерской А. Иванова оставили глубокий отпечаток. Так в одном из писем отцу Павел Петрович пишет: «Профессора звание от меня не уйдёт, да мне и думать-то о нём не хочется. А.А. Иванов какой художник, а и тот не успел получить это звание, а мы... что!» [1, с. 45]. Оба художника искали реализма в работах старых мастеров, а Чистяков особенно правды и чистоты красок.

Позже Чистяков сформирует свой круг старых мастеров, начинающих с Рафаэля, понимание которых так же ляжет в основу его педагогической системы. М. Врубель в одном из писем сестре напишет с восторгом, что понял «реалистическую сущность» Рафаэля, благодаря П.П. Чистякову.

К концу пребывания в Академии Чистяков уже был известным в Петербурге педагогом.

Осенью 1862 года Чистяков выехал за границу в качестве пенсионера Академии художеств. Там он знакомится с западноевропейским искусством, которое по его словам за редкими исключениями, идёт к упадку. В Риме он продолжает свою педагогическую деятельность и задумывает отчётную картину «Смерть Мессалины», которую не окончит ни в Италии, ни в России, но будет

возвращаться к ней на протяжении всей своей жизни. Именно эта работа в период пенсионерства формирует его как художника и педагога. Поиски новых решений в картине, её логичность, взаимосвязь элементов, правдивость сюжета и характеров, раскрытие психологического содержания события становятся частью его педагогической системы. В письме В. Мейер, впоследствии ставшей его женой, Чистяков так скажет о своей Мессалине: «Если увидите мою картину, то поймёте мой взгляд на жизнь, на людей, на всё». Мессалина, жена императора Клавдия, известная своей распущенностью, у Чистякова изображена в последние минуты её жизни, при ней мать, которая, предчувствуя конец, предлагает ей сохранить честь женщины и не дать убить себя по приказу, заколоться самой. В этом сюжете Чистяков видит пример того, как быстро падают нравы, но не это легло в основу картины, Чистякова поразила сама Мессалина и её участь. В своих записях он поясняет: «Глаза у Мессалины – виднее белки сделать. Смерть Мессалины. Что здесь я изображаю? Всё. Мессалина как центр, но характер её в момент, во времени, не полный, а общечеловеческий, ибо момент из ряду вон – смерть. Другое дело – Мессалина» [3, с. 18].

В одном из писем Суриков пишет Чистякову, что при его манере письма «доискиваться высокой правды в натуре, которая требует долгого письма» не лучше ли брать грубые, шероховатые холсты, которые дольше держат свежесть красок. На что Павел Петрович отвечает, что всё должно быть подчинено идее, «по сюжету и приёму», идея подчиняет себе технику, ведь если поменять технику в его портрете девушки, будет уже не сладостная задумчивость, машистое письмо создаст совсем другой образ.

Чем больше Чистякова увлекали педагогические проблемы и ученики, тем меньше времени оставалось на собственное творчество. С 1880-х годов Чистяков практически перестаёт писать картины, всецело посвящая себя ученикам. Отправляя портрет Третьякову, Чистяков напишет: «Портрет работан на уроках в квартире В.В. Осипова В.Е. Савинским, учеником моим, который понял мою систему рисования лучше других, что вы и видите на этом рисунке. Портрет сделан по правилам и одними чертами, но он живой. Я про свою систему молчу, а она в

смысле рисунка последнее слово. Конечно, отыскать и сознательно разработать её помогло мне учительство (44 года). Не будь я художником и учителем, я не успел бы привести её в систему и сознательно разработать...да и теперь я только на практике передаю её. Следовало бы написать и издать. Следует ли? Да и лень! Недавно о ней писали в научном обозрении» [1, с. 263].

Чистяков предпочитал передавать свои знания посредством устной речи, а не письменной, потому мы вынуждены собирать его систему в целостный метод из записных книжек, писем ученикам, разработок для реформации педагогической системы Академии художеств.

Индивидуальный подход к каждому ученику играет в его системе не последнюю роль. Так В.М. Васнецов на занятиях живописью у Чистякова никак не мог написать голову Апполона Бельведерского, Чистяков не стал его принуждать к этому, посоветовав и дальше писать свои картины, так как пишет. Павел Петрович мог отойти от шаблонов и строгих правил, указать человеку путь, по которому следует развиваться, дать индивидуальные советы. В этом В. В. Стасов видел его сходство с великим композитором М.И. Глинкой.

Его педагогическая система не потеряла ценности и в настоящее время. В чём мне удалось убедиться на личном опыте. Педагог нашего университета Ермолин Сергей Васильевич, график, архитектор, преподаёт рисунок по системе Чистякова. Сергей Васильевич учился у Б.А. Дехтерёва (1908–1993), а тот в свою очередь у Д. Н. Кардовского (1892–1896), непосредственного ученика П. П. Чистякова и И.Е. Репина. Сам Д.Н. Кардовский и И.Э. Грабарь писали Чистякову из Мюнхена, что чем больше работают и учатся, тем больше понимают, что у одного Чистякова люди учились в Петербурге. Вот что Сергей Васильевич говорит о системе Чистякова: «До Чистякова был метод Лосенко. Это рисунок по контуру и всё. Чистяков идёт от большой формы, обращая внимание на переломы. Он был как глоток свежего воздуха в системе обучения рисунку. После него ничего нового в преподавании рисунку не было сказано. Лучшим своим учеником Чистяков называл В.Е. Савинского. Все передвижники учились у Чистякова. В Германии был А. Ажбе. Чистяков к нему отправлял пенсионеров

Академии. Тот обучал по тому же методу, что и Чистяков. Бросал на пол нашим художникам скомканный лист белой бумаги и просил нарисовать. Наши думали, что издевается. А начинали работу, и оказывалось, что тут знания нужны. И свет, и тени, и переломы, и рефлексy, и большая форма».

Таким образом, основными принципами педагогической системы П. П. Чистякова являются: целостность всей работы, глубокое понимание формы, знания и умения: думать, видеть главное, знания анатомии и перспективы, переданные в технике исполнения, умение чувствовать: понимать задачу и сюжет, индивидуальный подход.

Наше исследование позволяет убедиться в том, что система П.П. Чистякова формировалась на протяжении всей жизни и явилась также выражением его мировоззрения и личностных качеств. Обучение искусству «по Чистякову», это не только владение рисунком, но и обучение жизни, внимательное отношение к природе и окружающей действительности. Чистяков различал два направления в практике искусства: реалистическое и идеалистическое. Реалисты во всём учатся у природы, опираются на неё, постоянно изучая натуру. Идеалисты же подменяют натуру своим воображением, черпая всё из себя, такой метод для искусства Чистяков считал гибельным. Совершенствование и подъём искусства П.П. Чистяков видел только в обучении у природы. Потому так верил в нашу русскую реалистическую школу и хорошее будущее нашей родины.

Список литературы

1. Белютин Э. П.П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания / Э. Белютин, Н. Молева. – М.: Искусство, 1953. – 593 с.

2. Великие художники. Т. 31. В. Д. Поленов / Ред. кол.: К. Костюк, А. Бараганян, С. Ананьева, М. Гордеева, С. Королёва, Е. Иванова. – М.: Директ-медиа, 2010. – 49 с.

3. Лясковская О.А. П.П. Чистяков / О.А. Лясковская. – М.: Изд-во ГТГ, 1950. – 64 с.

4. Мастера искусства об искусстве. Т. 6 / Под ред. А.А. Губера, А.А. Федорова-Давыдова, И.Л. Маца, В.Н. Гращенкова. – М.: Искусство, 1969. – 545 с.

5. Молева Н. Павел Петрович Чистяков / Н. Молева, Э. Белютин, – М.: Искусство, 1954. – 60 с.

6. Юный художник. – 1982. – №4. – С. 30–34.